

КАЖДОГО, кто знаком с ним лично, всегда донимают расспросами. Но когда позвонили из редакции и попросили написать о нем, я как-то растерялся. «Ничего, ничего», — сказали мне. — Вы же с ним сотрудничаете как автор. Вот и напишите о нем...»

О ком же это — о нем? О художественном руководителе театра и главном режиссере, о народном артисте СССР и лауреате Ленинской премии... В общем — об Аркадии Райкине.

Об этом человеке уже сказано и написано столько замечательных слов и такими замечательными людьми, что если бы собрать все это вместе и издать — а когда-нибудь так и сделают! — получится книга, достояние которой будет, я уверен, невозможно. Так же трудно, как билет на спектакль Райкина. Ведь в числе ее авторов — и Леонид Утесов, и Лев Кассиль, и Назым Хикмет, и Дж. Б. Пристли, и много других.

Для начала — две цитаты из этой, пока что не изданной книги:

Первая: «Искусство движется по высшим критериям. В кинематографе — Феллини, в музыке — Шостакович, в эстраде — Райкин». Это сказал Георгий Товстоногов.

И другая: «Чуть ли не каждый день... Райкин внушает миллионам и миллионам, наполняющим его театр, каким должен быть советский работник страны социализма, показывая ему в зеркале остроты сатиры, каким этот работник не должен быть». Это писала Мариэтта Шагинян.

НЕДАВНО я был на военном корабле, выступал перед моряками, читал рассказы. Все прошло вроде бы нормально. В конце, как обычно, спрашиваю: «Вопросы есть?». Сразу несколько голосов: «Есть!». И девять из десяти — о Райкине: я, выступая, обмолвился, что сотрудничаю с Театром миниатюр!

Так было не только в тот раз. И на других выступлениях, встречах то же самое. Скажешь: «Райкин» — и все вопросы о нем.

Часто спрашивают: «Расскажите, как он работает? Как репетирует?». Проще всего, конечно, ответить: «Трудно и интересно». Но это мало что объясняет, хотя и правда. Вот, скажем, работа с авторами. Пока подбирает материал к спектаклю, он и себя измучает, и их тоже. Много сомнений, колебаний, переделок. Даже если вещь сама по себе ему нравится, это еще не значит, что она будет исполняться. Автор: «Вам же нравится!». Он: «Нравится». Автор: «Что, не смешно?». Он: «Смешно». Автор: «Тема же острая!». Он: «Острая. Но эту тему мы уже поднимали в прошлом спектакле. Нам нельзя повторяться...» Зато когда наконец Райкин начинает работать над какой-то вещью, рано или поздно наступает момент, который поражает всех, и авторов в том числе, уже много лет: момент, когда произносимое Райкиным слово — неважно, кем написанное, — становится его словом, приобретает необычайно масштабную силу...

Как он репетирует — это невозможно описать. Надо видеть. Надо просто видеть, как он репетирует сам или показывает что-то другим артистам. Конечно,

но, так только говорится, что талант — это труд. Талант — это талант. Нет его, и хоть лоб себе расшиби — Райкиным не станешь. Но верно и то, что у Райкина был и есть второй, не меньший талант — работоспособность.

На моей памяти был у него день: утром — репетиция в театре, днем — спектакль, вечером — двухчасовая встреча с коллективом Кировского завода, а около двенадцати ночи он звонит автору: «Если вы не устали (!), приезжайте, хотелось бы поговорить...»

Еще спрашивают: «А какой у него характер? Каков он в жизни?». Однажды спросили: «Небось дома с ним — обхохочешься?..»

Ну, что сказать? Прежде всего он живой человек. Знаете, как пишут порой в характери-

и мы им помогали, как я думаю. Дело тут не только в том, хорошо или плохо мы играли. Наш маленький передвижной театр, кроме всего прочего, был для бойцов нучком Большой земли, привагом от родных и друзей, воспоминанием о мирной жизни. Когда мы приезжали на позиции, нас принимали со всей сердечностью, со всей доброжелательностью, какая только была возможна в тех тяжелых условиях. Нас старались накормить досыта, нам аплодировали так, что рисковали отбить себе ладони, нас встречали и провожали, как дорогих гостей. В нас видели товарищей по борьбе, только иначе вооруженных, — и это было нам дороже всего.

Или вот: чуткость, отзывчивость... Ничего не хочу расцвечивать и приукрашивать. Знаю точно: помог он многим. Обращаются к нему по самым разным поводам. Пишут письма. Я сам видел конверт, на котором было написано одно слово: «Райкину». И письмо дошло. На все письма отвечает обязательно.

Театр Аркадия Райкина

стиках: «Чуткий, скромный, отзывчивый, пользуется авторитетом...». Пишут всем одинаково, а люди-то разные!

Скажем, скромность. Она тоже разная. Бывает такая «скромность», когда человек начинает отмахиваться от своих заслуг: «Ах, что вы, это все пустяки, право же, не о чем говорить...». Этого у него нет. Цену себе он прекрасно знает. Но вот когда однажды попросили его рассказать, как он с театром во время войны выступал на передовой, Райкин не стал расписывать, как рвались бомбы и как их автобус обстреляли на фронтовой дороге чуть ли не прямой наводкой — хотя так оно и было! Он как-то виновато даже сказал: «Знаете, было очень страшно...» И все. Но ведь именно за работу на фронте он награжден боевым орденом...

А если уж все-таки и разговаривается, никогда не услышишь от него: «Я был... Я выступал...». Всегда — «Мы... Театр...». За эти четыре года мы проехали много тысяч километров от Балтики до Кушников, от Новороссийска до Тихого океана. Мы много выступали перед солдатами,

и за кулисами всегда народ — я не о корреспондентах говорю, а о тех, кто по своим делам. До смешного доходит. Как-то один прорвался перед спектаклем: «Товарищ Райкин! Помогите! Я сам из Киева, а билетов нет!». Райкин немного растерянно говорит: «Хорошо, сейчас я попрошу администратора, он вас куда-нибудь посадит». А тот: «Да нет, спектакль-то я видел. Спасибо! Мне до Киева билет надо!».

Достали ему билет... В общем, что говорить про характер? Одно ясно: не было бы такого характера — не было бы такого Райкина.

А НА ТОМ САМОМ корабле встал молодой офицер и прямо спросил:

— Скажите, в чем, по-вашему, секрет Райкина?

Такой вот «простенький» вопрос. И я задумался. Как задумывается каждый, наверное, кто пытается понять причины популярности Райкина. Хотя слово «популярность» тут не подходит. Это рок-ансамбли популярны. Сегодня один, завтра другой. Райкин — не «популяр-

ный», он чуть ли не полвека — любимый народом артист.

Так в чем же в самом деле его секрет? Артистическое мастерство? Ну еще был Уникальная, неповторимая техника. Прежде он пользовался масками — это восхищало. «Человек с тысячей лиц!» Калейдоскоп на сцене! Десять масок в минуту!

А потом от масок отказался, но герои его стали еще выразительнее, еще полнокровнее. Чуть ссутулился, чуть поднял бровь, легкий жест рукой — и пропал артист Райкин, вернее, не пропал — отошел чуть в сторону и смотрит оттуда на своего героя. А потом второй образ, третий...

Но одного мастерства, пусть даже такого, мало, чтобы объяснить то, что стоит за именем Райкина. В конце концов были и будут первоклассные, высокотехнические актеры. Но, видимо, и это — еще не все...

Тогда, возможно, дело в злободневности проблем, которых он касается? Конечно. Он всегда говорит о том, что действительно волнует людей в зрительном зале, о том, с чем они сталкиваются в жизни. И все-таки, будь Райкин только злободневным — он не стал бы таким явлением в искусстве. На тему дня говорили многие... Для искусства сатиры злободневность — качество необходимое. Но недостаточное.

Мастерство плюс злободневность — неужели мало? Мало. А что же еще? А еще — одна очень простая вещь.

Искренность. Искреннее желание по мере сил помочь людям в борьбе против общественного зла.

Во все времена находились люди, морщившиеся при слове «сатира». Мол, эта ваша сатира — одна злость. Вы нам повеселее что-нибудь! Добрее, мол, надо быть!.. Дескать, юмор — добрый, а сатира — злая.

И не понимают, а то и не желают понимать, что чем злее сатира, тем больше в ней настоящей доброты. Великие сатирики, от Свифта и Гойи до Щедрина и Чаплина, были добрыми людьми, ибо их сатира была направлена против зла. Вроде бы это азбучная истина. Вроде бы это очень просто. Но это — очень трудно. Потому что для этого необходимо быть до конца искренним, убежденным в том, что твои слова служат людям и, кроме тебя, их никто не скажет.

Трудно? Да! Но...

— Но, — говорит Райкин, — случаются же время от времени, пусть реже, чем хотелось бы, но все же случаются такие вечера в театре, которые мы вправе считать высокими моментами искусства! Эти вечера проживаются и актерами, и зрителями на едином дыхании. По одну сторону рампы, на сцене, возникает такой накал страстей, такая глубина мыслей и искренность чувств, что и по другую сторону, в зале, рождаются не менее сильные ощущения. Артисты играют так, словно им, как в песне, «нужна одна победа, одна на всех», и за ценой они действительно не стоят, платят щедро своими нервами. И этот порыв сплачивает зрителей, даже тех, кто попал сюда случайно. Причем в зале возникает такая удивительная тишина, которая делает сопереживание аудитории прекрасным встречным порывом. Это и есть театр!

ПОМНИТЕ: «Наиболее счастливым тот, кто сделал счастливым наибольшее число людей». Если приложить это к сценическому искусству, то Райкин, должно быть, один из самых счастливых...

Михаил МИШИН.
Ленинград.